

Александр МЕЛИХОВ

ЗАЩИТИТ ЭСТЕТИКА

Среди бесчисленных мифов о достоинствах водки наиболее уважаемой выглядит байка о том, что водку изобрел Менделеев. Хотя великий химик действительно изучал соединения спирта с водой, но никаких особенных потребительских свойств именно сорокапроцентного соединения не обнаружил, да этим и не интересовался. Сорокаградусный стандарт был установлен для упорядочивания налоговых сборов, но это так скучно, что совсем не опьяняет.

А страсть опьяняться была присуща даже самым высокоинтеллектуальным и героическим культурам. У Платона есть упоминание, что добродетельные люди в Аиде будут награждены вечным опьянением. Пьяные оргии Римской империи расписаны многократно, но при этом Тацит разглядел в чужом глазу древних германцев тот позорный факт, что они способны пить целый день и целую ночь. Храбрые викинги мечтали вечно бражничать в Валгалле, освещенной блеском мечей, в компании бога Одина, который вообще пил без закуски. Но был ли известен этим воинам и бражникам алкоголизм как физическая и нравственная деградация? Они ведь трусов топили в грязи и могли казнить бойца, прибежавшего по тревоге последним...

Чем внимательнее ученые изучали жидкость, в средние века именовавшуюся «вода жизни», тем меньше полезных свойств они в ней обнаруживали, зато ее потребление все росло и росло. В начале XX века лондонский рабочий тратил на выпивку пятую часть своих доходов (петербургский — четверть), хотя еще в 1720 году была попытка ударить по пьянству антиалкогольным Джин-актом. Питейные же расходы тогдашних немцев превосходили государственный бюджет. Энгельс объяснял алкогольные увлечения рабочего класса в Англии, разумеется, капиталистической эксплуатацией: «Пьянство перестает быть пороком, ответственность за который падает на его носителей». Поэтому при социализме пьяницы несли уже личную ответственность в лечебно-трудовых профилакториях (кто эксплуатировал вольных германцев, остается тайной).

Люди всегда лучше видят соломинку в чужом глазу: с XVIII века по Европе гуляла поговорка «Пьян, как швед». Может быть, именно поэтому к концу XIX века на весь мир

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россось Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023).

прогремела «готенбургская» (гётеборгская) система: водку полагалось пить лишь с горячей закуской, с которой только и должна была взиматься прибыль; взыскивать алкогольные долги воспрещалось; распивочные должны быть просторными и светлыми и располагаться вдали от ярмарок, воинских учений и т. п. С 1919 года «готенбургская система» была заменена системой Братта — знакомыми нам талонами: около четырех литров на семью в месяц. Нечто в этом же роде практиковалось в Норвегии, Финляндии. В ответ, естественно, росла контрабанда, но катастрофических последствий с массовыми отравлениями, с организованной армией бутлегеров, к счастью, не возникло. Однако говорило это лишь об относительной зрелости населения и относительной неподкупности контролирующего аппарата.

В начале XIX века Соединенные Штаты Америки стояли на первом месте по потреблению рома, а общеамериканское общество трезвости возникло в Бостоне почти одновременно с восстанием декабристов. Однако после первых успехов воцарилось уныние. В середине века по Америке прокатилась волна «женских крестовых походов», варьирующих методы воздействия от публичных рыданий до погромов распивочных (без завоевания женщинами политических прав едва ли состоялась бы и грядущая победа сухого закона). Приблизительно тогда же многие штаты попытались загнать зеленого змия в аптеки, чтобы выпускать его оттуда исключительно для медицинских и технических нужд. В итоге пьянство скрылось в семью, в тайные притоны (Джек Лондон вспоминал, как его зазывали выпить в парикмахерские и мебельные магазины), расцвели подкуп, контрабанда, отравления суррогатами — незнакомы нам здесь, пожалуй, лишь продающиеся на улице полые трости с пинтой доброго пшеничного виски.

Авраам Линкольн, после гражданской войны подписывая спасительный для бюджета закон о высоких налогах на алкоголь, опасался, что эта мера будет «похуже рабства». Но одним из главных аргументов в пользу отмены глухих запретов был признан все же моральный ущерб: массовая привычка к нарушению закона представлялась тогдашнему обществу более опасной, чем алкогольные злоупотребления (при этом в 1883 году был принят закон об обязательном преподавании в школе специального антиалкогольного курса). Однако в результате ряда политических комбинаций двадцатые годы в США сделали эрой сухого закона, так знакомой нам по гангстерским фильмам. А унылая статистика уже к 1924 году зафиксировала почти прежнее число задержаний в пьяном виде и отравлений алкоголем, конфискацию полумиллиона литров «аква виты», арест 68 тыс. бутлегеров...

К слову сказать, полный запрет спиртного впервые был испытан Исландией в 1913 году, но вскоре был отменен под давлением Испании, пригрозившей отомстить за свои вина отказом от исландской рыбы. Виноделы всегда стойко боролись за счастье не только собственных народов: по условиям Версальского мира разрешалось ввозить в Германию алкогольные «произведения почвы» на льготных условиях; в 1907 году Франция угрожала отказать русскому правительству в кредитах, если оно позволит принять сухой закон финляндскому сейму.

Сама Россия перед Первой мировой войной стояла на шестнадцатом месте в мире по потреблению абсолютного алкоголя — около 3,5 литра на душу (на первом месте была Франция — 23 литра) и даже по водке лишь на восьмом месте — 6,25 литра (чемпионка Дания выпивала 10,5 литра пятидесятиградусной водки на душу). Правда, если исключить детей, магометан, евреев и тому подобную непьющую публику, то душевое потребление водки подскакивает под 30 литров. А если взглянуть на количество ежегодных смертей «от опоя» на 1 млн населения, то во Франции их окажется лишь 11, а в России — 55. В Петербурге за появление в пьяном виде задерживалось ежегодно

50—60 тыс. гуляк, а в более многолюдном Берлине — в 10—11 раз меньше. Мы всегда любили пить с размахом.

С тех пор как святой Владимир отверг магометанство знаменитым афоризмом «Руси есть веселие пити, и не можем без того быти», Русь пронесла это веселие и через церковные проклятия, и через царские указы. Есть свидетельства, что еще Иван Третий закрыл корчмы по Москве, а его преемник Василий позволил бражничать в специальной слободе лишь слугам великого князя да иностранцам (чуть не приписалось: «в валютных барах»). Овладев Казанью, Иван Грозный исключительно для опричников завел на Балчуге «царев кабак», по образцу которого начали заводить кабаки и в других городах, искореняя частный сектор (в отличие от татарских кабаков, еды там не полагалось). Как утверждает автор «Истории кабаков в России» И. Г. Прыжов, появление таких питейных домов отзывается на всей последующей истории народа. Монастырям, правда, разрешалось курить вино «не для продажного питья» — «таких не заповедью надо смирать, а кнутом прибить». И в XIX веке «высшего чину духовным людям» разрешалось лишь «отдавать питейные их дома и винокурни» в аренду, но не торговать самим. Зато высшая власть сама многократно жаловала духовенство казенным вином.

Право держать кабак было важной разновидностью и дворянских «кормлений». Указом 1756 года винокурение дозволялось дворянам для домашнего употребления, но строго по чину: от 1000 ведер в год чинам первого класса до 30 чинам класса четырнадцатого. Указом же 1758 года по 1000 ведер в год собственной выкурки даровалось гофмейстерине, статс-дамам и фрейлинам. На каждый кабак как источник дохода был положен свой «оклад» (планировалось от достигнутого), выборным кабацким головам и целовальникам предписывалось «питухов не отгонять», а в случае недобора шли на правеж сначала они сами, а если взять с них ничего не удавалось, то их избиратели: праветчиков ставили босиком у приказа и, покуда не отдадут долг, поочередно били палкой по икрам, занимаясь этим ежедневно, кроме праздников, по часу в день, но не более месяца. Однако иногда битье продолжалось с утра до вечера, и здесь могло пригодиться гуманное исключение из закона: дворяне и бояре могли выставлять вместо себя своих людей. Посредством правежа кабацкие сборы дожимались даже при Екатерине.

Правительства всегда раздирались между желанием искоренить вредоносный порок и желанием на нем заработать. В первые годы крутой и аскетичной советской власти водка в ресторанах подавалась исключительно в чайниках (см. Зошенко). За первое полугодие 1923 года было конфисковано приблизительно 75 тыс. самогонных аппаратов и возбуждено около 300 тыс. уголовных дел (примерно по 5 аппаратов и 20 дел на тысячу крестьянских дворов). По прикидкам Госплана, в том же году население Дальнего Востока и Закавказья потребило около 24 млн ведер двадцатипятиградусного самогона. (Виной всему были, разумеется, кулаки и подкулачники.) Было подсчитано, что фабричная «выкурка» потребовала бы в семь раз меньше зерна, не говоря уже о потерянных налогах. В итоге тов. Сталин констатировал: «Мы не можем пойти в кабалу к западноевропейским капиталистам... Тут надо выбирать между кабалой и водкой, и люди, которые думают, что можно строить социализм в белых перчатках, жестоко ошибаются». С 1925 года было решено положиться на то, что пьянство отомрет само собой вслед за уничтожением эксплуататорского строя и культурным ростом народа, а покуда в 1925—1926 годах на душу в рабочей семье пришлось 6,15 литра водки в год (класс — он тоже выпить не дурак), а на прочее городское население — примерно 3 литра. Кое-кто пытался завлекать рабочих в клубы «товари-

щескими беседами за кружкой пива», так что самому тов. Троцкому пришлось разъяснять культпросветработникам, что отвлекать пивом от пивных все равно что изгонять черта дьяволом. Либо водка опрокинет культурную революцию, либо культурная революция победит водку, пророчествовал тов. Бухарин, но схватка, однако, длится до сих пор.

И все-таки одна важная победа, мне кажется, одержана: народ выпивает, но уже почти не воспевает алкоголь, а это значит, что вино из пленительного культурного символа превратилось в скучный, как выражаются наркологи, «адаптоген», опасное обезболивающее для нестойких душ. По крайней мере, что-то не припоминается современного «Подыдем бокалы, содвинем их разом!».

Да и в пушкинскую пору гусарский культ Вакха уравнивался культом Марса и Венеры — культом храбрости и любви, абсолютно несовместимыми с алкогольной деградацией. Это и есть самый надежный победитель алкоголизма — захватывающее дело, с которым алкоголизм несовместим. Деромантизация пьянства, с робкой надеждой констатирую я, в значительной степени уже произошла. Мне кажется, пьянством уже не бахвалятся, не принимают его за удачу.

Но если я даже и впадаю здесь в чрезмерный оптимизм, то по отношению к наркотикам таких иллюзий у меня гораздо меньше: их не просто употребляют — их, мне кажется, отчасти все еще романтизируют, видят в них некую «крутизну», а со стремлением молодежи быть крутой бороться гораздо труднее, чем с пороками, по-настоящему всеми презираемыми. И вот в этом пункте, на мой взгляд, и таится слабое место антинаркотической пропаганды.

Мне случалось (хотя и очень немного) видеть фильмы, изображающие страшные последствия наркотиков (ломки, язвы...). Но ведь если показать медсанбат, картина окажется ничуть не менее устрашающей, и, однако же, романтическая молодежь, несмотря на риск, все равно тянулась и тянется к подвигу. Потому что подвиг — это действительно красиво! И по этой же самой причине нужно показывать, что наркотики — это не просто смертельно опасно, но еще и *омерзительно*. Лично я, по крайней мере, в своем антинаркотическом романе «Чума» напирал не на ужасное, которого, впрочем, все равно хватает, но на отвратительное: отупение, злобность, отсутствие даже тени взаимопомощи, взаимное крысятничество, обмеривание, выколачивание самых мизерных долгов, включая мнимые...

Демонстрировать это можно и документальными, и художественными средствами, но если документальные в какой-то слабой степени все-таки используются, то художественные (то есть самые сильные) практически не задействованы. И причиной тому чума рационализма, непонимание того, что стремление ощущать себя красивым — не менее важная потребность человека, чем корыстолюбие. И если мы хотим сделать какое-то явление отталкивающим, нужно прежде всего уничтожить романтический ореол, который его окружает.

Однако убить романтику по силам лишь другой романтике, убить художественный образ по силам лишь другому образу. Но искусство-то как раз меньше всего задействовано в борьбе с наркотической субкультурой...

А потому к профилактике наркотизма должны быть привлечены писатели.